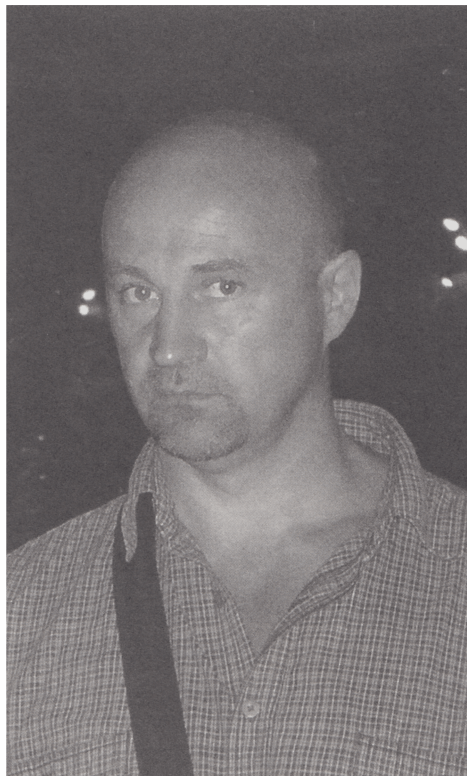

БИБЛИОТЕКА

ОГОНЁК

Андрей Ракша

**Все куклы
мира**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ТЕРРА»
КНИЖНЫЙ КЛУБ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»

Издается с 1925 года

АНДРЕЙ РАКША

ВСЕ КУКЛЫ МИРА

Издательский дом «Огонек» — «Терра—Книжный клуб»
Москва — 2008

ОБ АВТОРЕ

Ракша Андрей Евгеньевич, родился в 1957 г. на Алтае в зерносовхозе «Урожайный» в семье директора этого совхоза Евгения Игоревича Ракши. Его мать, писательница Фатима Шумафовна Бучнева, в то время, работала корреспондентом одной из центральных газет. В 1973 г. Андрей окончил школу в местечке Солянка в Красноярском крае. Служил на Северном флоте. С 1974 г. живет и работает в Москве. Писать рассказы начал в 2005 г.

Уважаемые читатели!
Ваши отзывы и предложения отправляйте по адресу
bibl@kkterra.ru

© Издательский дом «Огонек»,
внешнее оформление, 2008
© Терра—Книжный клуб, 2008

ВСЕ КУКЛЫ МИРА

1

Настырный ноябрьский ветродуй снежной плетью гнал Сашку вниз по улице, заставляя его быстро идти, почти бежать, мелко перебирая ногами по грязной наледи. Темная полоска раскатилась впереди. Он с разгону прыгнул на нее и заскользил, широко размахивая руками, стараясь удержать шаткое равновесие. Выскочив на голый асфальт, Сашка споткнулся, проскакал на одной ноге пару метров и, зацепившись рукой за шершавый прут металлической ограды, ловко завернул в арочный проход, ведущий в его двор. Здесь он притормозил и оглянулся. В ярком свете уличных фонарей арка чудилась раскрытым светящимся окном в какой-то ледяной фантазмагорический мир. Метель неслась над дорогой сплошным потоком, прочеркнув снежными нитями всю видимую изнутри часть улицы. Изредка неудержимая белая река слегка меняла направление, и тогда, ударившись о край арки, от основной массы отделялся тонкий ручеек, который, завернувшись в миниатюрный вихрь, беспорядочно крутился по проходу, разнося по наметенным углам холдную снежную крупу.

Сашка охлопал себя ладошкой, выбивая остатки снега, плотно набившегося в складки одежды, затем, дошлепав до конца прохода, остановился. На детской площадке, терзаемые ветром, на что-то жаловались качели и бил по глазам мощный прожектор, зависший над дворовой автостоянкой. Он прищурился, глядя на слепящее пятно. По ресницам поплыла радуга, воображение сразу нарисовало летнее жаркое солнце, послышался плеск речной волны и равномерный скрип лодочных уключин. Сашка открыл глаза. Ничего не

изменилось: вьюга, прожектор, качели. Стало еще холоднее, однако домой идти очень не хотелось.

До вечера Сашка просидел в пустом жарком классе, коротая время после уроков. Теперь же, когда школа была закрыта, ему только и оставалось, что уныло стоять, приткнувшись к стылой стенке, чувствуя, как двадцатиградусный мороз запускает холодные щупальца под тонкую осеннюю курточку, безжалостно высасывая оттуда остатки скудного тепла. Многочисленные окна лучились теплом и лаской, но это были не его окна и не для него тепло. Сашка зябко поежился. Глухо стукнули карандаши в стареньком деревянном пенале, и коротко звякнул колокольчик от донки, прицепленный для форсу к наружному карману потрепанного ранца.

Единственная отрада, что ждала его дома, — сестренка Ленка, которой завтра исполнится три года, и Сашка страшно мучился, до сих пор так и не придумав, что подарить ей на день рождения. Вернее придумать-то он придумал...

На первом этаже соседнего дома хлопнула, ударившись о стену, открывшаяся форточка, со звоном посыпалось стекло, и сразу же пахнуло вкусным духом жареной картошки. Он жадно потянул сытный воздух, сглотнул тягучую слюну и шагнул вперед. Резкий порыв ветра, затаившегося за углом дома, сейчас же тяжелым кулаком ударил его в грудь и метнул в лицо заряд острой ледяной гречки. Испуганная ворона, словно брошенная сверху черная тряпка, беспорядочно треща дырявыми косыми крыльями, выпала сверху в глубокий колодец прожекторного луча и унеслась, подгоняемая метелью, куда-то в темноту соседнего двора. Ветер на крыше громыхнул оторванной ржавой жестью и угрожающе загудел в водосточной трубе. Тени голых озябших тополей, похожих на призрачную паутину, беспорядочно заматались по серым кирпичным стенам.

Миновав пугающий полумрак первого этажа, Сашка выскочил на подсвеченную призрачными прожекторными бликами лестничную площадку. Пустая рама щерилась редкими осколками стекла. Под подоконником блестела тонким ледком большая желтоватая лужа. Батарей отопления давно были сняты, и обрезанные трубы торчали

черными острыми огрызками. Мятые пивные банки и изжеванные окурки щедро покрывали выщербленный пол.

На своем этаже Сашка остановился и прислушался. Внизу задребезжало разбитое окно, дернуло сквозняком. Дверь его квартиры, скрипнув, приотворилась. Шумное веселье вырвалось на площадку. «Ну, не так быстро, дорогой...» Жеманное хихиканье матери перекрывали плотные раскаты мужского смеха.

«Так и есть, опять привела», — со злобной неприязнью подумал Сашка, толкнув ногой покореженную дверь. Остро потянуло рвотным запахом сладковатого перегара, замешанного на отвратительном сигаретном зловонии. Сашка сбросил ранец в угол крошечной прихожей и, не снимая кроссовок, заглянул в комнату. Ободранный журнальный столик, устланный газетными листами, топорщился бутылками и консервными банками. Желтела гроздь бананов, равными лепестками закручивалась апельсиновая кожура. Мать, распустив по плечам крашенные волосы, сидела на коленях у черногого красавца, заросшего до самых глаз жесткой щетиной. Мужчина, увидев Сашку, неловко дернулся, а мать, не поняв его, глупо хихикнув, еще плотнее прикикла к мятому темному костюму.

— Э-э-э... — Гость простер волосатую руку.

Мать подняла расплывшиеся глаза, суетливо вскочила и, пьяно кривя густо накрашенные красным губы, двинулась к сыну, неуклюже переставляя заплетающиеся ноги.

— А, сынок пришел. — Она повернулась к мужчине и, неопределенно взмахнув рукой, объяснила: — Эт-то мой Сашка. Сын. Понял?

Она несколько секунд стояла молча, покачиваясь, с трудом собирая мутные мысли, затем перевела взгляд на открытую форточку, за которой выюжился белесый зимний вечер и наконец нерешительно, растягивая слова, спросила:

— А чё так рано? Разве уроки уже кончились?

— Считай, уже снова начались, — стараясь не смотреть на снедь, мрачно буркнул Сашка. В такие моменты он испытывал к матери чувство, граничащее с жесткой ненавистью.

— Слушай, может, малчик кюшат хочит? — подал голос напрягшийся было, но тут же расслабившийся гость. — Колбаса возьми или банан.

Удобно раскинувшись на ветхом диванчике, он дружелюбно улыбался, тускло поблескивая в желтом свете дешевой пластмассовой люстры масляными агатовыми глазками.

Есть Сашка хотел непереносимо. Казалось, мелкие мальчишеские внутренности завязались плотным болезненным узлом, который с каждым мгновением становился все туже и туже. Но он скорее бы умер, чем взял сейчас хоть малый кусочек хлеба с этого стола, накрытого на деньги благодушно улыбающегося, может быть и неплохого человека. Потом, поздно ночью, когда натешившийся гость наконец удалится, а мать, пьяно храпя полуоткрытым размазавшимся ртом, свернется калачиком на раздолбанном диване, он, прокравшись из кухни к разоренному столу, нахватается обветренных остатков, а затем будет до утра скрипеть зубами и вертеться на продавленной раскладушке от острой рези в животе. Так уже бывало раньше, так, вероятно, случится и сегодня.

— Ленка где? — нарочито грубым тоном спросил Сашка.

— На кухне, — испуганно ответила мать, предопределяя Сашкину реакцию.

— Опять водкой опоила. Что ж ты, дура, делаешь? — Сашка бешеным взглядом ударил ее в лицо.

— Да я самую капельку. Ты же знаешь, она так лучше спит.

Не обратив внимания на бранное слово, мать виновато смотрела на сына, прижимая к груди нервно дергающиеся руки. Он молча прошел к орущему телевизору, убавил звук и, не поднимая глаз, направился к плотно закрытой кухонной двери. Гротескные фигуры музыкантов немymi карикатурными марионетками ломались на выцветшем экране.

— Эй, зачем так сделал? — В голосе мужчины чувствовалось нескрываемое раздражение. — Кто в доме хозяин? — Он бросил взгляд на Сашкину мать и решительно потянулся к онемевшему вдруг пластмассовому ящику. Его короткие, поросшие черным волосом пальцы зашарили по кнопкам.

— Оставь как есть! — неожиданно повелительно бросила мать. Ее глаза прищурились и опасно заблестели. — У себя на рынке команду. А тут нечего. Лучше налей! — Она подошла к столу. — Выпьем за дружбу между народами.

Опешивший гость пьяно икнул, затем, решив не связываться, наполнил до краев вместительные матового стекла рюмки. Мать, привычным движением подцепив свою, аккуратно выплеснула в себя содержимое. Она постояла несколько секунд зажмурившись, ее лицо расслабилось и обвисло, глаза раскрылись, повлажнели. Игриво хихикая, она плюхнулась на диванчик и прижалась бедром к жеваным штанам оскорбленного благодетеля.

На кухне было жарко и непереносимо душно. Газовые горелки, сжигая кислород, струили прозрачный голубоватый свет. Сестренка Ленка, тяжело, со вскрипом, дыша, беспокойно мотала головой на мокрой от пота подушке. Обнаженная круглая розовая культя бестактно выставилась сквозь прутья шаткой кровати. Детская ножка без ступни выглядела дико, противоестественно, но для Сашки это был всего лишь знакомый кусочек любимого родного человечка.

— Вот дура, вот дура, — бормотал Сашка, выключая газ. — Сколько можно твердить. В конце концов сторим или задохнемся.

Он осторожно обтер краем простынки потное личико сестры, поправил ногу, подоткнул ветхое одеяло и, взобравшись на шаткий табурет, с трудом открыл перекошенную форточку. Морозный воздух белым облачком хлынул в сумеречную духоту тесной кухни. Ленка на секунду замерла, затем широко зевнула и, повернувшись на бок, задышала ровно и неслышно.

Сашка учился в третьем классе, когда мать однажды в такой же морозный месяц исчезла и спустя два дня появилась, держа в руках живой, глухо мяукающий сверток. Какое-то время она пыталась старательно ухаживать за ребенком, но вскоре ей это надоело. Снова начались традиционные пьянки, и пришлось Сашке в свои неполные десять лет познать тяжкий труд ухода за младенцем. Впрочем, возиться с сестренкой ему нравилось необыкновенно, особых хлопот она не доставляла, была молчалива и улыбчива, только изредка, болея, по ночам плакала, и тогда на уроках Сашка клевал носом и получал от одноклассников подзатыльники, а от учителей не слишком строгие замечания. Как-то раз, когда Ленка подросла и начала потихоньку ковылять, неуклюже опираясь на ущербную от рождения ногу, мальчишки во дворе со свойственной детям жестокостью попытались посмеяться над походкой маленького инвалида,

но, получив от Сашки безжалостную трепку, прозвали его «бульетером» и больше никогда не обижали смешливую дружелюбную девчушку. Более того, они стали ее всячески опекать и веселить.

Сашка неподвижно стоял посреди грязной, скудно обставленной кухни и смотрел на спящую сестру, чувствуя, как тревожно и мучительно сжимается его сердце. Будь его воля, он подарил бы ей все игрушки мира. Собрал бы от мала до велика всех говорящих кукол, всех плюшевых слонов и бегемотов и завалил ими до потолка убогую квартиру. Пусть бы утром, проснувшись, Ленка круглыми от удивления и счастья глазами смотрела на красочную мешанину и, заикаясь от волнения и шепелявя, бормотала: «Саа, Саа! Это что, все мне?»

Из комнаты донесся звон посуды, что-то с грохотом упало, и снова вызывающе заверещал телевизор.

Сашка до боли сжал костлявые кулаки, с трудом подавляя в себе острое желание открыть дверь и разнести вдребезги порочное застолье. Вместо этого он хватил ладонью по рыжему быстроногому таракану, промелькнувшему по кухонному столу, но таракан оказался бывалым и ловко увернулся. Хмуро чертыхнувшись, Сашка взобрался на колченогий табурет, прикрыл запотевшую форточку и вышел в прихожую, плотно затворив за собой скрипучую дверь. Люстра в комнате была погашена. Мерцающий неверный свет от телевизора падал на бесформенную темную массу, копошащуюся на разложенном диване.

2

Метель несколько поутихла. Снег уже не бил горизонтально вдоль дороги, а летел косыми струями, устилая асфальт белым ковром. Уличные горбатые фонари, постанывая, изливали на поток машин и редких прохожих безжизненный синеватый свет. Густая вонь выхлопных газов, смешиваясь на ветру с морозным воздухом, становилась едкой и липкой, почти осязаемой. Даже вьюга была не в силах разогнать эти ядовитые миазмы, от которых слезились глаза и сбивалось дыхание.

Сашка стоял под фонарем. Поземка мелкой кудлатой собачонкой суежилась вокруг ног. Яркий свет создавал иллюзию тепла. Втянув,

как черепаха, голову поглубже в плечи, Сашка с завистью и злобой глазел на плывущие мимо четырехколесные оазисы сытости и благополучия. Его тело покрылось гусиной кожей, и он явственно чувствовал, как тонкие волоски на руках и ногах поднялись дыбом, пытаясь сохранить ускользящее тепло. Машины катились вниз, к перекрестку, где налитый красным глаз светофора отсекал их движение и они накапливались беспорядочным стадом, нетерпеливо урча в тревожном ожидании, чтобы через краткий период времени, по зеленой отмашке разбежаться на три стороны и раствориться среди бесконечных улиц асфальто-бетонных джунглей.

Сашка пониже натянул черную вязаную шапочку. Пальцы ног, обутых в кроссовки, совершенно окоченели. Кроссовки были старые и тепла не держали. Это была его единственная обувь. Он неловко запрыгал на месте, разметая накопившийся у ног валик крупчатого снега.

Огромная пузатая цистерна, вращая желтыми фонарями, протачилась по дороге, поливая заснеженный асфальт антигололедной смесью. Сашка резво отскочил назад, спасаясь от потока пенистой дряни, широким веером бьющей из-под оранжевого бампера. Снег быстро смешивался с хладореагентом, и толстый слой густого грязного месива пузырился вслед за «поливалкой». Мелкая клейкая взвесь повисла в воздухе, тонкой мутной пленкой оседая на фарах и стеклах идущих следом автомобилей. Машины разом слепли и, резко сбавив ход, медленно катились, лихорадочно мотая дворниками, поливая стекла «незамерзайкой».

Сашка повернулся и, засунув в холодные карманы куртки озябшие руки, угрюмо зашаркал убитыми кроссовками по заснеженному тротуару вниз, к перекрестку. Он знал, что идти в ту сторону ему совершенно ни к чему. Более того, всеми фибрами своего тщедушного тела сопротивлялся навязчивому позыву, но ноги словно обрели самостоятельность, и спустя малое время он уже стоял перед зеркальным стеклом витрины магазина подарков, мрачно глаза в ее просторное разноцветное нутро. Огромный плюшевый голубой щенок, застенчиво наклонив лопухую голову, призывно смотрел на Сашку. Стоимость, обозначенная на ценнике, исчислялась четырехзначной цифрой. Сашка почти физически ощутил худосочный

финансовый гербарий, состоящий из нескольких листочков зеленых десятков, спрятанный во внутреннем кармане куртки, и почувствовал, как из глубины его не ко времени повзрослевшей, ожесточенной души поднялось смутное желание засветить обледелым кирпичом в издевательски манящую витрину. Но это был всего лишь эмоциональный выплеск, и, презрительно сплюнув на многокрасочный снег, он побрел дальше к вертикальному трехцветью недалекого светофора.

3

— Эй, пацан, протри фары!

Сашка вздрогнул и пришел в себя. Несколько секунд он, не понимая, чего от него хотят, тупо смотрел на пятидесятирублевку. Красные блики светофора лежали на длинном полированном капоте черного автомобиля.

— Ну, чего ждешь, давай быстрее! — Рука нетерпеливо дернулась, понукая его к действию.

Сашка, секунду помедлив, беспомощно посмотрел на свои пустые, покрытые красными цыпками иззябшие руки, огляделся по сторонам, затем, решившись, торопливо сдернул с головы вязаную шапочку, схватил голубую бумажку и, оскальзываясь, бросился к тусклому свету фар, едва пробивающемуся сквозь мутное рифленое стекло. Толстая шерсть, как наждачная бумага, легко содрала тонкую коричневую пленку. Освобожденные лучи упали на белую «зебру» пешеходного перехода. Красный отсвет на капоте сменился желтым, из-за решетки радиатора раздался утробный сигнал. Сашка отпрыгнул на тротуар, пропуская мимо себя неудержимо рвущийся вперед поток рычащих на разные голоса четырехколесных монстров.

Светофор деловито манипулировал разноцветными сигналами. Накатывали и снова уходили извергающие сизый чад бесконечные металлические волны, а Сашка стоял, недоверчиво глядя на неожиданно свалившуюся ему в руки манну. Некое прозрение за-брезжило в его заторможенном от холода сознании. Дождавшись очередного запрещающего сигнала, он нерешительно шагнул на проезжую часть дороги, бессознательно выбирая из десятка машин более до-

рогоую и солидную. Шерстяная шапка не подвела и на этот раз, легко оттирая слой грязного налета. И чудо случилось снова. Темное стекло поползло вниз, и Сашка подхватил пестрый мятый прямоугольник. Правда, сейчас это была всего лишь десятка, но легкость, с которой он ее заработал, рисовала большие перспективы. Дальше дело пошло еще успешней. Видимо, его посиневшее от холода лицо и убогая одежонка вызывали некоторую жалость у пребывающих в тепле и сытости обитателей крутых иномарок. Да и некомфортная езда со слепыми фарами в ночную метель тоже стимулировала оплату Сашкиной деятельности. А может быть, то бесноватое упорство, с которым он бросался от бампера к бамперу, производило впечатление на сентиментальных водителей. Иногда, он даже ухитрялся за один раз обслужить несколько машин. Однако были и неудачи, и тогда Сашка, отскочив от пронзительного вопля раздраженного клаксона, не теряя времени, полировал тусклую оптику ближайшего автомобиля. Некоторые, дождавшись, когда Сашка сделает свою работу, просто уезжали, не подавая вида, что заметили маленькую фигурку, суetyщуюся в ярком свете неожиданно прозревших фар. Но таких было не много. И он, стоя в зеленом периоде на тротуаре, обивал об колено замызганную шапку, чувствуя при каждом движении, как многообещающе шуршат в боковом кармане куртки смятые купюры, и уже ясно представлял себе изумленную Ленку, недоверчиво таращащуюся синими заспанными глазенками на сидящего в ногах ее кровати голубого дружелюбного щенка.

4

Северный упорный ветер в конце концов разорвал плотные облака, серым куполом висевшие над городом, и они бесформенными ключьями разбежались во все стороны, испуганно попрятавшись за недалекий ночной горизонт. Ветер метнулся, крутя напоследок стремительные вихри в стылых подворотнях, и неожиданно стих, разом уронив острую белую крупу на заснеженный асфальт. Мороз резко усилился. Бесчисленные остроглазые звезды, покалывая лучиками сквозь тонкую ядовитую дымку, широко раскинулись по белесому городскому небу.

Сашка испуганно трудился среди потока машин, уже начавшего редеть, и не обратил внимания на перемену погоды, как не заметил и одинокую фигуру, пристально наблюдавшую за ним с противоположной стороны дороги.

Вязаная шапка давно насквозь пропиталась жирной грязью и плохо оттирала коричневый налет, но Сашка уже приобрел некоторый опыт и успешно сгонял вязкую муть со стекол фар. Времени у него на одну машину уходило теперь гораздо больше, зато и дольше в свете грелись руки, сплошь покрытые химической грязью, глубоко ввевшейся в кровотокающую потрескавшуюся кожу.

Привычно обдирая верхнюю губу заледенелым рукавом, он мазнул под носом, шмыгнув, безуспешно пытаясь избавиться от текущих соплей, и, уловив краем глаза среди стоящих справа машин непривычную суету, повернул голову. Тощая высокая фигура, резко контрастная в слепящем свете чистых фар, разогнулась и, шагнув к открытому окну большого джипа, приняла заработанную купюру. Причем Сашка ясно видел, что это была точно не десятка. Сменился сигнал, бампер нетерпеливо дернулся, и он поспешно ретировался, не завершив работу, на обочину, откуда растерянно уставился на торчащего посреди дороги древнего старика. Длинное, давно потерявшее цвет пальто, теплая серая шапка и подбитые резиной валенки составляли его облачение. На груди, весело поблескивая в свете фонарей, болталось созвездие медалей. У ног стояло исходящее густым паром красное пластмассовое ведро.

За время, проведенное в неустанном труде у светофора, Сашка уже привык к смутному ощущению, что перекресток является в какой-то степени его собственностью, и неожиданное появление конкурента сейчас, когда поток машин изрядно сократился и заработок стал существенно меньше, вызвало у него вполне объяснимое чувство протеста. Но он был хотя и рано повзрослевшим, всего лишь двенадцатилетним подростком и поэтому, не зная, что делать, пассивно стоял, переминаясь с ноги на ногу, оттирая ладонями замерзшие уши.

Упреждающе запульсировал зеленый, мигнул желтый и угрожающе набух запретный сигнал светофора. Три машины, оставляя за собой пенистый след на мокром асфальте, затормозили у белой

стоп-линии. Грязная «Волга», давно потерявшая свой естественный цвет, широко лохматясь по бортам ржавой металлической бахромой, грустно светила одинокой левой фарой. Сей рыдван, с точки зрения Сашкиного короткого опыта, коммерческого интереса не представлял. Вторая — иномарка — бросала вперед, на перекресток, яркие лучи света и в посторонней помощи явно не нуждалась. Третья же — низкий серебристый лимузин — слепо таранилась круглыми глазами и, как говорится, дальше своего бампера ничего не видела. Гремя шипованными шинами по асфальту, она остановилась рядом с красным ведерком. Старик немедленно шагнул вперед и сноровисто заработал широким скребком, поливая из пластиковой бутылки быстро прозревающие фары. Скрутившийся в веревку шарф, обмотанный несколько раз вокруг поднятого воротника пальто, окунался в грязное месиво, когда старик нагибался к серебристому капоту. Сашке сначала показалось, что старик орудует, как и он сам, голыми руками, но, приглядевшись к неестественно толстым, как будто опухшим пальцам, он понял, что это тонкая желтая резина, туго натянутая на обыкновенные трикотажные перчатки. Конечно, Сашке было не до того, чтобы анализировать ситуацию, но своим практичным умом он понял, что взрослый человек подготовился к работе несравненно лучше, чем он сам, и теперь ему только и остается, замерзая на тротуаре, глядеть, как старик собирает, бесспорно, принадлежащие только ему такие нужные купюры.

Неожиданная злость тяжелой волной накрыла его. Светофор открылся, и машины ушли. Старик, получив свои деньги, сидел на корточках спиной к Сашке, наполняя горячей водой пластиковую бутылку. Пар белым пушистым нимбом кудрявился у него над головой.

Сашка пробежался глазами по тротуару. Острые куски заporошенного снегом сколотого льда валялись прямо под ногами. Он подцепил увесистый обломок и, примериваясь, подбросил его на ладони.

Тяжелая ледышка ударила старика в согбенную спину. Он покачнулся, теряя равновесие, но все же удержался и не упал. Затем неуклюже привстал и изогнулся, пытаясь дотянуться негнушейся рукой до ушибленного места. Боль и недоумение отразились на его лице.

— Ты что делаешь? Ты что, рехнулся? — Голос старика был едва слышен. От удара у него перехватило дыхание. Он стоял, безвольно

приподняв левую руку, сжимавшую полупустую бутылку, раззявленным ртом широко хватая морозный воздух.

— Уходи! Уходи отсюда! — Сашка в слепом бешенстве замолотил по тротуару разбитыми кроссовками. Легкий снег белыми волнами разлетался у него из-под ног. Случайный прохожий испуганно шарахнулся в сторону.

— Это мой перекресток! Это мои деньги! Ты понял? Мои! Мои! — Сашка выплевывал короткие хлесткие фразы. Его голос поднялся до истерического визга, побледневшие черты лица безобразно исказились.

— Подожди, давай договоримся. — Старик наконец отдышался и обрел голос. — Мы можем вместе...

— Нет! Не хочу! Уходи! — Сашка был непреклонен. Не отрывая глаз от высокой фигуры, он присел и зашарил рукой по тротуару, стараясь нащупать ледяной обломок.

Сменился сигнал, и очередная партия машин уперлась в перекресток. Старик решил не тратить время на бесполезные пререкания с несговорчивым подростком и, окинув взглядом потенциальных клиентов, занялся подслеповатым «Опелем», нервно пускающим сизые пары за две машины от светофора. Он уже получал свою десятку, когда острый кусок льда, просвистев над крышей автомобиля, рассек ему щеку и, отскочив, упал в раскрытое окно на колени сидевшей за рулем женщине. Старик, уронив свой инвентарь, схватился за лицо, а «Опель», дергаясь и испуганно виляя из стороны в сторону, с пробуксовкой ушел с перекрестка. Новенькая зеленоватая купюра, как утерянное перо, плавно опустилась рядом с пластиковой бутылкой и штукатурным скребком, валяющимися в серой вязкой грязи.

Сашка перебежал через дорогу и теперь стоял у красного ведерка, сжимая в кулаки и снова распуская худые грязные пальцы.

— Уходи, — спокойно сказал он. Его глаза с дикой ненавистью смотрели на жалкого в своей боли старика.

Старик отнял от лица руку, испуганно взглянул на окровавленную грязную резину и снова прижал ее к ране.

— Послушай! Подожди! — Он умоляющим жестом протянул вперед свободную руку. — Мне тоже нужны деньги. Понимаешь?

Я один... — Слова из-за прижатой ладони звучали глухо, и он старался говорить быстрее, сбиваясь и путаясь, опасаясь, что Сашка какой-нибудь неожиданной выходкой не даст ему сказать что-то жизненно важное. — Я есть хочу, я очень хочу есть, и мне холодно. Ну пойми, ты, маленький звереныш. Завтра дорога высохнет, и все, конец работе. А я не знаю, как мне дальше жить. Я старый. А ты сможешь, у тебя все впереди...

Речь старика становилась сумбурной, неразборчивой, и наконец, он смолк, опустив руки, с надеждой глядя на Сашку. Редкие старческие слезы текли из выцветших глаз, смешивались на щеке с грязью и кровью, и тонкими ручейками сползали вниз на худую морщинистую шею, видневшуюся над обвисшими кольцами шарфа. Но его чаяния были напрасны. Сашка видел в нем только опасного конкурента, неожиданное и серьезное препятствие на пути к достижению желанной цели. Жалостные слова прозвучали впустую, не задев ожесточенного Сашкиного сознания.

Сашкино лицо неузнаваемо изменилось. Он присел, согнув руки со скрюченными пальцами, исподлобья глядя на оцепеневшего в немом испуге старика. В своем мгновенном приступе безумия Сашка стал похож на мелкого, смертельно опасного взбесившегося хорька. Непотребные слова, смешиваясь с диким шипением, вылетели из искривленного злобной гримасой рта. Неожиданно он схватил стоящее перед ним красное пластмассовое ведерко и, метнувшись вперед, выплеснул всю воду прямо в лицо старику, сразу же, как упругий мячик, отскочив назад. Так змея кусает превосходящего ее размерами врага.

Старик инстинктивно вскинул руки, пытаясь закрыться, но не успел. Горячая вода ударила ему в глаза, потоком хлынула за широкий воротник, увлажняя ветхие нижние одежды, мгновенно пропитав суконную солдатскую шапку, шарф, грудь и рукава древнего драпового пальто. Он стоял посреди дороги, растопырив острые локти, напоминая смешное огородное пугало.

Расплющенная под широкими колесами пластиковая бутылка, крутясь и подскакивая, отлетела к обочине. Сашка с нескрываемым интересом смотрел, как старик непослушными толстыми пальцами размазывает по лицу грязно-розовую кашлицу. Крепкий мороз быс-

тро прихватил влажные ресницы, покрыл блестящей тонкой коркой редкую седую щетину, и ему пришлось стащить перчатки, чтобы отогреть заиндевевшее лицо. Мокрая одежда исходила легким паром, стремительно отдавая в холодный воздух последнее тепло. Некоторое время старик стоял неподвижно, прикрывая ладонями глаза и щеки, затем дернулся, пытаясь опустить согнутые руки, но превратившееся в ледяные доспехи пальто сковало его. Сашка засмеялся. Никаких чувств, кроме удовлетворения, при виде комически дергающейся нелепой фигуры уязвленного конкурента он не испытывал.

Но старик не собирался сдаваться. Он резко дернул обездвиженными руками, и тонкий изношенный драп лопнул у локтей и на плечах. Подвижность возвратилась, но теперь жестокий холод через широкие трещины в материале быстро просочился внутрь, доводя мокрое изможденное тело.

Преодолевав зябкую дрожь, старик, гремя полами заиндевевшего пальто, двинулся на Сашку. Старческий кулак нимало не испугал того. Тщательно прицелившись, он метнул в приближающуюся фигуру пластмассовое ведро, и сразу же перед отчаянно сигналившим троллейбусом перебежал на тротуар. Ведро с жестким стуком, сотрясая легкие, ударило старика в заледеневшую грудь и, отлетев под колеса троллейбуса, тут же превратилось в бесформенную красную лепешку. Оторвавшиеся медали осыпались на грязную дорогу и золотыми брызгами разлетелись по проезжей части, весело подпрыгивая под автомобилями. Старик был настолько ошеломлен, что даже не заметил драгоценной утраты.

Гоняться за неуловимым легконогим мальчишкой он был не в состоянии, а терять заработанные деньги ему не хотелось. Он повернулся, шаря глазами по грязному асфальту. Зеленый прямоугольник прилип к дороге в нескольких шагах позади него. Старик шагнул вперед и попытался наклониться, но обледеневшие полы пальто не позволяли ему дотянуться до десятки. Он попробовал присесть. Немощные ноги уже не держали его. К тому же ветхое пальто разваливалось прямо на глазах, и убийственный мороз заползал все глубже под мокрые обноски. Приступ кашля прошиб переохлажденную грудь. Лицо искривилось болезненной гримасой.

Подмороженная было рана открылась, темная капля поползла по морщинистой щеке. Старик выпрямился и сплюнул на дорогу кровавистую мокроту. Неровный, быстро приближающийся гул донесся до его слуха. Он повернул голову и отшатнулся назад. Вереница идущих уступом мусороуборочных машин, весело мигая желтыми сигналами и гремя разбитыми отвалами по асфальту, проползла вплотную мимо него, оставляя за собой размазанные по дороге полосы жирной слякоти. Старик проводил их беспомощным взглядом. Фронтные медали, как и вождеденная десятка, исчезли, перемешавшись вместе с ядовитой уличной грязью.

Звериным инстинктом выживания Сашка понимал, что от конкурента надо избавляться немедленно, не давая ему возможности прийти в себя. Он живо отступил и спрятался за газетный киоск. Ждать пришлось недолго. Старик стоял на разделительной полосе, безуспешно пытаясь натянуть перчатки на замерзшие подагрические пальцы. При этом он, смешно вытягивая шею, по-птичьи порывисто вертел головой, стараясь обнаружить неожиданно исчезнувшего противника. Видавший виды грязный зеленый самосвал остановился у светофора, закрыв от Сашки жалкую фигуру. Сашка немедленно вывернулся из-за киоска и через пустую дорогу проскочил к машине. Зловонная жижа широким потоком стекала из-под неплотно закрытого заднего борта. Брезгливо морщась, Сашка осторожно заглянул под грузовик. Обледеневшая палка шарфа черным маятником, в такт движениям старика, покачивалась в просвете между колесами. Сашка мстительно улыбнулся. Осторожно ступая стылыми ногами, он прошел к заднему борту и замер в скраде, поглядывая из-за угла кузова на головастый столб светофора. Сигнал мигнул и переключился. Самосвал немедленно отреагировал и, тронувшись с места, обдал Сашку душливым облаком сторевшего бензина. Сашка даже не моргнул. В охотничьем азарте он крался за бортом ускоряющегося грузовика, и, когда левый борт кузова поравнялся с ничем не подозревающим стариком, Сашка, пригнувшись, бросился вперед и, подхватив длинный язык шарфа, молниеносно зацепил его за торчащий из металлического борта кусок ребристой арматуры. Толстый узел, завязанный на конце шарфа, намертво заклинился в узкой развилке. Сашка отпрыгнул в сторону.

Старик, ничего не понимая, проводил его недоуменным взглядом. Когда самосвал потянул его за собой, он неуверенно подался вперед, стараясь удержать равновесие, мелко семеня нетвердыми ногами, но водитель грузовика переключил скорость, машина дернула, и старик, схватившись руками за шарф, прямой, как сухой стручок, неудержимо рухнул вперед, повиснув в захлестнувшей его шее черной удавке. Обледенелая солдатская шапка свалилась с головы на дорогу. Ничего не подозревающий водитель прибавил газу, и машина, волоча за собой беспомощное тело, выехала на перекресток. Огромный серый валенок соскочил с худой старческой ноги и поскакал, как живой, по дороге, рассыпая из теплого нутра смятые пожелтевшие газеты. Самосвал, мигнув разбитым поворотником, круто ушел влево. Старика занесло, перемерзшая ткань шарфа лопнула, и он как бревно откатился по изгаженному асфальту к обочине, где остался неподвижно лежать, неестественно вывернув седую голову.

В ясном звездном небе сгустилось призрачное облачко, и крупные мохнатые снежинки неожиданно посыпались на опустевший перекресток. Они бесшумно ложились на застывшие в нем морозном молчании дома и деревья. Белым саваном быстро накрыли серое пальто и таяли, все еще таяли, прикасаясь к обнаженной, испачканной липкой грязью ступне старого человека. Мимо, рассыпая красно-синие сполохи, пронеслась милицейская машина.

5

Сашка завернул за угол и оглянулся. Из тесного закутка, образованного кирпичной стеной гаража и бетонной оградой, за которой раньше располагался детский сад, а ныне процветала какая-то солидная фирма, пустой двор свободно просматривался во всех направлениях. В прожекторном свете блестели отполированные недавней метелью разноцветные автомобильные крыши и капоты. За окнами металась голубые тени немногих бессонных телевизоров. Он удовлетворенно хмыкнул и шагнул в светлый полумрак. Ветер набил сюда довольно много снега, толстым слоем припорошив отчетливые приметы отхожего места. Негнущимися пальцами Сашка потянул замок

молнии бокового кармана. Тот немного продвинулся и застрял. Сашка чертыхнулся и потянул сильнее. Молния не поддавалась. Он подышал на одеревенелые ладони, взялся покрепче за флажок и резко дернул. Металлическая полоска с легким щелчком отломилась и, выскользнув из его неверных пальцев, бесшумно канула в пушистой глубине. Сашка раздраженно заворчал. Воткнув большой палец в образовавшееся отверстие, он рванул изо всех сил заевшую змейку. Карман с треском разошелся и смятые пестрые бумажки, тихо шурша, густо, как живые, полезли наружу, кружась и падая бесформенными комками под ноги. Сашка ловил их, быстро расправлял и тщательно складывал в стопку, располагая согласно номинации.

В последний раз сунув руку в карман и не найдя там ничего, он внимательно осмотрел снег вокруг ног, затем, вспомнив, достал из-за пазухи предыдущие убогие накопления и присовокупил их к основному капиталу. Старательно перетянув резинкой расплывающиеся купюры, Сашка, еле двигая непослушными пальцами, несколько раз сбиваясь и начиная все сначала, пересчитал рыхлую внушительную пачку. Результат ошеломил его. Никогда в жизни он не держал в руках столько денег. Его посиневшие от холода губы растянулись в довольной ухмылке. Теперь, главное, утром, до того, как проснется Ленка, успеть сбежать в магазин и притащить домой присмотренного плюшевого зверя. И плевать на школу. В конце концов, день рождения у единственной сестры бывает только раз в году. Мамаша все равно будет дрыхнуть с похмелья целый день, а они вдвоем сначала поедят где-нибудь мороженого, а потом обязательно сходят в кино. И сестренка будет беззаботно смеяться и смотреть на него благодарными васильковыми глазами.

За углом гаража послышался легкий скрип сухого снега. Сашка вздрогнул и, присев, быстро сунул пачку за пазуху. Дрожь пробежала по спине. Он мысленно ошметинился, приготовившись насмерть отстаивать с таким трудом заработанные деньги. Не решаясь сделать хотя бы шаг, Сашка несколько секунд настороженно всматривался в перспективу пустынного двора. Пестрый, словно сшитый из разноцветных кусочков кот появился в прямоугольнике прохода и, подергивая озябшими лапками, нерешительно остановился, глядя на Сашку фосфоресцирующими зеленоватыми глазами.

— Тьфу ты, черт! — облегченно выругался Сашка.

— М-й-яу, — отозвался кот. Явная жалоба звучала в его голосе. Он подошел ближе и, не спуская с Сашкиного лица бесстрастных круглых глаз, уселся на задние лапы, плотно обернув их пестрым хвостом. Сашка опустил на корточки и, положив руку ему на загривок, сразу же почувствовал, как кота колотит крупная судорожная дрожь. К тому же у него было разорвано ухо, и свернувшаяся кровь темными струпьями покрывала правую половину мордочки.

— Э, брат. Да ты бездомный, — сочувственно протянул Сашка, почесывая кота за здоровым ухом. Тот извернулся и благодарно потерся дрожащим боком о его ногу.

— Ну что с тобой делать? Пойдем домой, что ли? — Сашка поднял руку, чтобы поправить шапку, но только когда рука коснулась стылых, припорошенных снегом волос, он вспомнил, что она, превратившись в осклизлую тряпку, осталась где-то там, у перекрестка. Да и вообще, недавние события как-то быстро стерлись в памяти, побледнели и теперь выглядели чем-то нереальным, произошедшим в другой, совсем незнакомой жизни, к тому же вроде бы вовсе и не с ним. Он стряхнул с головы ледяную пыль и, нарочито загребая замерзшими ногами пушистый нетронутый снег, пошел к своему подъезду. Разноцветный кот, оставляя за собой на белом фоне четкие точки следов, задрав полосатый хвост и искоса озабоченно поглядывая на Сашку, бежал рядом. Хлопнула дверь подъезда. Морозная оцепенелая тишина повисла над заснеженным двором.

ИНИЦИАЦИЯ

Инициация — посвятительный обряд перевода юношей и девушек в возрастную класс взрослых.

— Папка-а-а-а, иди сюда.

Оранжевый торнадо размытым облаком вывернулся из-за угла дома и, мелькая голыми коленками, проторив в росной траве темный след, с разбега боднул меня давно не стриженной головой в живот. Желтые в зеленых ресницах глаза примятых одуванчиков с укоризной смотрели ему вслед.

— Пойдем, пойдем, я там нашел такое, такое!..

— Что же такое, вот такое, раззтакое можно найти на нашем микроскопическом участке? — запуская пальцы в вызолоченные солнцем волосы сына, смеясь, поинтересовался я.

— Ну пойдем, сам увидишь.

Он мертвой хваткой вцепился в мой палец и, крепко упершись ногами в землю, поволок меня мимо кустов черной смородины, через разросшиеся фонтаны конского щавеля, по зарослям некошеного разнотравья на другой конец дачного угодыя. Он тащил меня упорно и целенаправленно, как портовый катерок влечет океанский лайнер, а я шел за ним, слегка упираясь и глядя на гибкую, одетую в оранжевые шортики фигурку, на узловатые коленки, на худенькие загорелые лопатки и упругую, словно ореховый пруттик, вцепившуюся в меня мальчишескую руку, и чувствовал, как плавится моя душа и закипает внутри неудержимое желание закричать на всю округу: «Смотрите, это мой сын, такого еще не было на свете».

Низколетящие косые лучи утреннего солнца, пробив в яблоневой кроне многоугольные дрожящие отверстия, разбросали по поляне россыпь бронзовых монет. Укрывшаяся в густой листве неприметная садовая пичуга тоненько высвистывала свою незамысловатую двухтоновую партию. Вечно озадаченные муравьи, поднявшись спозаранку по корявому стволу яблони, доили зеленую скотинку и деловито сновали вверх и вниз, приводя в порядок свое подсобное хозяйство. Заторможенный клоп-вонючка уже насосался утренней росы и, пристроившись на краю широкого листа, слегка попахивая и лениво шевеля короткими усиками, щурился навстречу возносящемуся солнцу.

Когда-то здесь, на поляне, были грядки с ремонтантной клубникой, и, хотя разросшаяся трава напрочь забила нежную садовую культуру, кое-какие кустики еще продолжали безнадежно сопротивляться, выбрасывая во все стороны гибкие длинные усы и производя на свет редкие, но, как и прежде, душистые ярко-красные сердечки.

Каждое утро, пока я еще спал, это неутомное шестилетнее создание, забравшись босыми ногами в мои резиновые сапоги, выходило на промысел. Копаясь в сложнейшем травяном переплетении, ему случалось набирать хорошую кружку ароматных, сладких ягод, которыми он самоотверженно делился со мной.

— Здесь, — отцепившись от пальца, выдохнул мой ребенок. Он округлил глаза и решительным жестом ткнул ручонкой в зеленую путаницу у себя под ногами.

— Что здесь? — спросил я, всматриваясь в указанное место. — Ты нашел вместо клубники ананас?

— Да нет, глупый, смотри. — Он даже не улыбнулся и, наклонившись, осторожно раздвинул траву. Я присел на корточки и с некоторой опаской заглянул в темное отверстие.

Чем можно удивить городского человека, живущего летом на даче, — морковкой, похожей на детскую фигурку, гигантским, в рост человека, лопухом, в тени которого можно устроиться на пикник, или редкой красоты цветком, пробившимся в месте, где и крапива-то никогда не росла? Говорят и в безобразии есть своя прелесть. Размером в две ладони, похожая на зеленовато-коричневый, покрытый золотым крапом округлый булыжник, она флегматично,

не в пример своим поджарым и суетливым родственникам лягушкам, пребывала в травяном полумраке и лишь изредка перебирала передними короткими толстыми лапками, безмятежно созерцая окружающий мир янтарными глазами. Царевна.

— Кто это? — потребовал у меня ответа сын.

— А ты как думаешь? — вопросом на вопрос ответил я, осторожно извлекая ее на свет.

— Похожа на беременную лягушку, — немного поразмыслив, вполне серьезно предположил он.

Я поперхнулся, но все же от комментариев воздержался.

— Ты же видел ее в книжках, да и в зоопарке тоже. Это жаба.

Сын задумчиво почесал свой облупленный нос.

— А я думал, что жаба — просто большая лягушка, да и на картинках она какая-то ненастоящая, а это прямо зверь серьезный.

Зверь неподвижно сидел у меня на ладонях и, когда сын погладил его пальцем по пупырчатой спине, беспокойно задвигался, моргнул и быстрее задышал окоорообразными боками. Случайный порыв ветра шевельнул листья, световые сполохи заметались по поляне, и влажная кожа жабы засветилась малахитовой зеленью.

— Возьмем ее домой? — заглядывая мне в глаза, с надеждой вопросил сын.

— Она и так у нас дома. — Я успел соориентироваться и был готов к провокационному предложению. — Дача ведь наша, так, живет она на нашем участке, охраняет его от вредных насекомых, так, значит, она и есть наша собственность.

— Но если мы ее сейчас отпустим, она спрячется где-нибудь, и я больше ее никогда не увижу, — вполне резонно возразил он.

— Мы что-нибудь придумаем, а сейчас держи свое сокровище.

Жаба шлепнулась на его узенькие ладошки, а я, поднимая перед собой каскады стремительных оливковых кузнечиков, побрел к сараю. Солнце подсушило траву, и эти вездесущие музыканты звенели так, что порой глушили визг электропилы, доносящийся с соседнего участка.

В сарае было прохладно и тянуло сухой прелью. Так пахнет только в старых сараях и на чердаках. Почему-то напоминает детство. На пределе слышимости зудел ущербный комар. Доски кучей лежали у дальней стены. На них до потолка были навалены картонные

коробки. Все недосуг вытащить и сжечь. Ухватив покрепче верхнюю тесину, я рванул ее на себя. Коробки зашатались и поехали в сторону. Я поднял глаза, и холодные мурашки, покалывая кожу, побежали по плечам и спине. Под потолком висел угрожающе огромный, величиной с детский волчок, синевато-серый кокон. Столбняк прошел, и, приглядевшись, я заметил, что следов жизнедеятельности вокруг осинового гнезда не наблюдается. Проверка штакетиной подтвердила отсутствие обитателей. Хрупкая оболочка крошилась и осыпалась сизой окалиной. Откуда явились, куда ушли?

Чертыхаясь, я раскопал и вытащил четыре широких доски, обобрал с лица пыльную паутину и, пыхтя и отдуваясь, поволок их на поляну.

— Что будем делать? — деловито поинтересовался сын.

— Сделаем загон для твоей зверюги. Хватай конец доски.

Жабу временно поместили в тазик, и мы совместными усилиями сотворили нечто вроде песочной коробки. Наша домашняя животи-на была опущена в траву и, переваливаясь с боку на бок, не торопясь ввездрилась в зеленые заросли.

— Все, — строго сказал я. — Больше не трогай ее. Пусть отдыхает.

— Она что, ночью не выпалась?

— Это ты ночью спишь, а у нее ночью самая работа.

— Понял я, понял. Она ночью уничтожает вредных насекомых, — протянул сын. — А смотреть на нее хотя бы можно?

— Можно, но не часто, — разрешил я.

Время близилось к одиннадцати, и я срочно помчался в дом готовить субботнюю яичницу.

Дачная яичница — блюдо особое. На сливочном масле жарится лучок с мелко нарезанной жирненькой ветчинкой, затем добавляются крупно нарезанные помидорчики и зеленые побеги молодого чеснока, желательно с собственной грядки. Все перемешивается и слегка прожаривается. И, наконец, яйца. Хорошо бы деревенские, с красноватым желтком, штук пять или шесть. Впрочем, можно и семь. Короче, побольше. Все шипит и пузырится. А запах... Пауки бросают своих жертв и на восьми полусогнутых со всех углов торопятся к столу, а осы бьются снаружи о стекло и падают в голодный обморок. Напоследок необходимо все посыпать заранее накрошенными петрушкой и укропчиком и закрыть крышкой минуты на две. И упот-

ребить это божественное блюдо со сладкими огурчиками и зеленым лучком, а затем выйти на травяной лужок под позднеутреннее солнце, надергать с кустов флюоресцирующей бордовой малины и ультрафиолетовой смородины и, потоптав ягоды в кружке с сахаром, залить ароматным свежесваренным чайком. А потом, сидя вместе с сыном на собственноручно сколоченной лавке, потягивать обжигающий супервитаминизированный напиток, морально готовясь к очередному дачному подвигу.

Подвиг ныне состоял в обрезке сухих веток, о чем я и известил своего малолетнего помощника. Процесс пошел без осложнений и даже с некоторым интересом благодаря недавно приобретенному длиннорукому сучкорезу. С тонкими ветками сын справлялся сам, а крупные сучки я одолевал с помощью ножовки. Добытый совместными усилиями сушняк был сложен у сарая для дальнейшего использования в качестве растопки при приготовлении вечернего шашлыка. Изрядно пропотевшие, но с чувством честно выполненного долга, прихватив с собой волейбольный мяч и бадминтон, мы отправились купаться.

Велосипед — незаменимое средство передвижения на даче. Покрутил десять минут педали — и ты уже на пляже. Неподвижное зеркало воды, под ногами упругий изумрудный ковер, вокруг располосованные геологическими периодами желтовато-коричневые стены карьера, а над головой — слегка выцветший голубой купол небосвода. Белое облачко клочком сахарной ваты неподвижно висит над краем котловины. Впрочем, и оно через несколько минут бесследно растворяется. Впечатление от грандиозного замкнутого пространства вызывает необъяснимый восторг и острое ревнивое ощущение, что все вокруг принадлежит только тебе.

Оранжевый воланчик неумоимо мечется под палящим солнцем, и я, вначале поддававшийся сыну, чувствую, что начинаю играть уже всерьез и, как это ни странно, проигрываю. С неуловимым чувством досады и несоизмеримо большей гордостью за его успехи я останавливаю игру, и мы, разбежавшись, с брызгами и воплями, разгоняя мальков и неуловимых водомеров, рушимся в прозрачную прохладу.

Пронырнув сквозь зеленоватое марево метров двадцать, я выскакиваю на поверхность и, развернувшись, вижу, как, поднимая брыз-

ги, отфыркиваясь и отплевываясь, но все же плывя вполне уверенно, сын золотистой змейкой стремительно приближается ко мне.

А потом мы валялись на покрывале, играли в дурака, пили не успевший степлиться квас и вели познавательные беседы на тему жизни земноводных, в частности жаб. Сын поклялся, что, когда подрастет, заведет их не менее десятка, на что я безуспешно возражал, приводя в качестве аргумента необыкновенную прожорливость оных. Аргумент был отвергнут как несущественный, и мы остались каждый при своем мнении, отложив разрешение вопроса до будущих времен.

Светило приспустилось, разбухло и потемнело, когда мы возвратились на дачу. Первым делом было проверено самочувствие нашей царственной особы. Самочувствие оставалось отменным, то есть жаба просто откровенно дрыхла, закопавшись в самую глубину травяной чащобы. И мы занялись насущными хозяйственными делами: я подготовкой к ужину, а сын общением с соседскими мальчишками. Ближе к вечеру все участки заволокло легким дымком, замешенном на запахах субботных шашлыков. Кто мы такие, чтобы нарушать дачную традицию? Вскоре и наш оригинальный шашлычный аромат внес посильную лепту в аппетитную композицию вечернего эфира.

Шашлык получился отменным. После ужина мы сидели рядом на ступеньках крыльца, подложив под себя старую телогрейку, и поочередно удовлетворенно пощипывали зубами. Телогрейка была короткая, и сын, чтобы не съехать на холодные кирпичи, тесно прижимался к моему боку. Я обнял его правой рукой за худенькие плечи, другой хлопнул на лбу обнаглевшего комара, почесал уязвленное место и вздохнул. Может, это и есть счастье?

На близлежащем заросшем пруду, как будто их включили, коллективно заблажили лягушки. Слегка заложило уши.

— Пап, чего они так орут? — поинтересовался сын.

— Чего орут, чего орут, — протянул я задумчиво. — Хорошо им, вот и надрываются. Натрескались мух да комаров, теперь жениться потянуло, песни поют, каждая себя показать желает.

— А чего ж так громко?

— Ну нет у них слуха, не повезло. Вот глоткой и берут, — серьезно ответил я.

В просвете между сливами высветилась слегка ущербная пестрая луна. По желтому диску чиркнула быстрая тень ночной птицы, и в вишневых зарослях, совсем близко, засвистел, защелкал соловей. Мы притихли.

— У этого со слухом все в порядке, — прошептал мой юный специалист по вокальному искусству.

Шашлычный дух рассеялся, и прохладный, напитанный луговыми запахами ночной воздух свободно циркулировал в груди.

Раздвинулась нескошенная трава, и серый шар выкатился к подножию крыльца.

— Ой! — громко сказал сын, судорожно стискивая мою ладонь. Пришелец процокал коготками по асфальтовой отмостке, недовольно хрюкнул и уткнулся в угол между крыльцом и кирпичной стеной дома. Я медленно отпустил малодушно затаенное дыхание.

— Ну и везет же тебе сегодня на зверье. — Голос мой слегка дрожал. — Утром жаба, теперь этот небритый колобок.

Сын моментально сориентировался и, спрыгнув с крыльца, навис над колючим пришельцем. Еж затих. Когда детская ладошка прикоснулась к колючей шубке, он смешно фыркнул и запрыгал, как на пружинах, стараясь уколоть. Сын испуганно отпрянул.

— Пап, ну чего он бодается? — обиженно захныкал он. — Я только хотел его погладить.

— Он тебя боится. Вот и предупреждает: не тронь, больно будет.

Я осторожно перекатил колючий шар себе на ладонь. Еж снова фыркнул, задергался, но вскоре успокоился и развернулся. Он невозмутимо лежал теплым брюшком у меня на ладони, поводя любопытным влажным носиком, поблескивая в лунном свете черничками глаз.

— Какой симпатичный. — Сын в восторге подпрыгивал на месте. — Похож на грязного поросенка. Возьмем его в дом?

— Ты снова за свое. Это же не игрушка, у него свои дела есть.

Огромные, в пол-лица, глаза смотрели на меня с немой мольбой. «З-з-з-з-з-з» — пронеслось мимо уха. «И-и-и-и-и» — запищало у другого. Я, как ветряк, замахал свободной рукой. Спорить было некогда, начинался ночной налет. В конце концов, у меня тоже никогда не было ежа.

— Уговорил. Но только на одну ночь. Утром отпустим.

— Отпустим! Отпустим! — радостно запрыгал он.

Было уже поздно. Звездная дорога широкой полосой прокинулась над головой. Двухцветные мигающие огни самолетов и яркие точки спутников попеременно с просверками метеоритов безостановочно мотались между неподвижными, равнодушно мерцающими звездами. «Млечный Путь, час пик, вид снизу», — мелькнуло в голове.

— Коль привел, угощай гостя. — Я опустил зверька на дощатый пол.

— Я не знаю, что ежи едят. — Горе сына было неподдельным.

— А ты напрягись, вспомни, что в книжках, в мультфильмах видел.

Он наморщил лобик, затем как-то по-девчачьи всплеснул руками и затоптал голыми пятками по лестнице на второй этаж. Мелькнули поцарапанные загорелые икры. Зашуршала бумага, что-то упало и покатилося. Я вздрогнул и беспокойно дернулся, но тут раздался радостный вопль, и в проеме люка появилась торжествующая рожица.

— Нашел, вот здесь все нарисовано. — Он потрясал книжкой-раскраской. — Ежи едят грибы, ягоды и яблоки. Грибов у нас нет, яблоки в холодильнике лежат, я видел, а ягод я ему завтра утром наберу.

Он задом пересчитал вниз все ступеньки.

— Молодец, все правильно. — Я шутя щелкнул сына по облупленному носу. — Только давай еще молока нальем в крышку от банки и колбасы нарежем, как будто это червячки.

Совместными усилиями мы соорудили ежу ужин. Пока резали колбасу, еж забрел под газовую плиту. Через минуту явился, весь украшенный дохлыми мухами и высохшими бабочками. По категорическому настоянию сына пришлось отнести все блюда на второй этаж, где стоял его диван, и туда же переместить колючего непоседу.

Набегавшиеся за день ноги вымыты, зубы почищены, ребенок лежит в постели, однако, наполовину свесившись до полу, шарит под диваном, куда закатился наш постоялец. В углу на газете ежиный ужин. На стене горит ночник, на журнальном столике медленно курится комариная смерть. Занавески неподвижны, на улице полный штиль. Комары с вожделием шьются у раскрытого окна. Это сколько угодно. Все в порядке. Все, как и должно быть. Пожелав всем спокойной ночи,

ссыпаюсь вниз по лестнице на первый этаж почитать на сон грядущий что-нибудь «легкое», «ненавязчивое», например Кафку.

Кафка сегодня не пошел. Я щелкнул выключателем и блаженно вытянулся, твердо намереваясь, ни минуты не мешкая, упасть в объятия Морфея. Но Морфей был, видно, нынче не в духе и на встречу не спешил. Через пять минут прохладная постель превратилась в раскаленную адскую жаровню. Простыни повлажнели и скомкались. Стало потно и противно. Я встал и подошел к окну. Вселенский реостат сдвинулся до упора, небесный фонарь заливал всю округу призрачным люминесцентным светом. Очертания предметов приобрели резкость и законченность, как на гравюрах Дюрера. Соловей давно улетел, сводный хор земноводных также завершил свой концерт.

Я перестелил разоренную постель и залег, надеясь все же пообщаться с хозяином сна и сновидений.

Бум — раздалось в звенящей тишине. Бум, бум. Бум, бум, бум, бум, бум. Потолок резонировал, и казалось, наверху катаются тяжелые бильярдные шары. Затем такт ударов изменился, стал прерывистым, и мне представилось, что это семейка домашних играет в кости деревянными детскими кубиками. Наигравшись, нечестивцы принялись за танцы. Через десять минут, прослушав все танцевальные ритмы от вальса до чечетки, я не выдержал.

Бормоча себе под нос что-то о пребывании животных в естественной среде, я вскарабкался по лестнице, вынырнул из люка и нос к носу столкнулся с серым непоседой. Еж взглянул на меня черными бусинами глаз, презрительно фыркнул и заторопился под диван.

— Стоять! — заорал я громким шепотом и на четвереньках бросился в погоню.

Еж немедленно свернулся и, как баскетбольный мяч, ругаясь на меня ежиными нехорошими словами, запрыгал на месте.

Детский сон крепок, и, к счастью, сын так и не проснулся, поэтому поединок проходил без зрителей. Я набросил на отважного противника свою футболку и потащил пульсирующий узел на улицу. Понимая, что исчезновение ежа мне утром не простят, я вывалил беспокойную зверушку в деревянный загончик, накануне собранный нами на поляне. Еж лежал, свернувшись и похрюкивая, остро

переживая учиненное над ним насилие, а я удовлетворенно хмыкнул и распрямылся.

Луна обесцветила все краски. Стеклянная трава сверкала мелкой алмазной россыпью. Недвижные листья яблонь превратились в серебряные, черные тени шедевры искусного ювелира. Прикоснись, и звон пойдет на всю округу. Волшебные декорации к сказочному фильму. Я потряс головой, отгоняя наваждение.

Простыни остыли, и на этот раз уснуть удалось быстро и безболезненно.

Очнулся я от ставшего уже традиционным визга соседской циркулярки. На стене подрагивали желтыми ушами солнечные зайцы. Над головой затопотало. Я вспомнил ночную битву и улыбнулся.

— Пап, ежик сбежал! — тревожно зазвенело в проеме люка.

— Да никуда он не делся. В загоне на поляне сидит. На свежем воздухе. — Я заложил руки за голову и уставился в потолок. — Только умойся сначала и зубы почисть. А вообще-то, доброе утро.

— Ага, — раздалось в ответ.

Пялиться поутру в деревянный потолок — особое удовольствие. Для воображения поле непаханое. Разнообразные сочетания сучков и трещин порождают любопытные картинки. Это паук, это рожа страшная, здесь еж стилизованный, а это, похоже, жаба. Жаба! Жаба и еж. Еж и жаба. Меня пробил холодный пот. Я вскочил, судорожно вдернулся в штаны и босиком полетел во двор.

Сын сидел на корточках, низко склонившись над импровизированным загонем. Едва взглянув на напряженную худенькую спинку, я понял, что опоздал. Пересиливая себя, я медленно подошел к нему и заглянул через плечо.

Как и вчера, нежаркое утреннее солнце простреливало косые ласковые лучи сквозь кроны деревьев, трещали бесконечные кузнечики, люди и твари занимались своими потребными делами. Загон был пуст. Два одуванчика торчали посреди нетронутой на первый взгляд травы. Один желтел новорожденным цыпленком, второй, побелев и оперившись, уже готовился к отлету. На зеленой упругой подушке травы, рядом с деревянным бортиком, лежала, как мне показалось сначала, маленькая кукольная ручка. Зеленоватая кожица подсохла и сморщилась, тонкие длинные пальчики скуко-

жились в крохотный кулачок, оторванный конец коричневел капелькой свернувшейся крови.

— Что это, папа?! — Сын поднял голову, и я увидел, что его глаза, как следы в песке у воды, неудержимо наполняются слезами.

Я отвел взгляд и, кляня себя в уме последними словами, стал плести что-то о том, что жаба, как ящерица хвост, может сбрасывать лапу. И что, видимо, она у нее болела, поэтому и отвалилась, и что вскоре, дня через два, ну в крайнем случае через неделю, снова отрастет и будет еще лучше, чем старая. Сын опустил голову, бросил вниз быстрый взгляд, поднялся и молча ушел в дом.

Весь день он был грустен и молчалив. Попытки развеселить его заканчивались неудачей. Он только печально смотрел на меня, односложно говорил: «Ну пап, не надо», затем уходил на второй этаж и там шелестел страницами своих нехитрых детских книжек. О еже он не сказал ни слова.

Улучив момент, я прямо на поляне, поддев лопатой слой дерна, похоронил свидетельство ночной трагедии и растащил деревянную коробку.

Вечером, влекомые могучим потоком дачемобилей, мы возвращались домой. Асфальтовая река постоянно подпитываясь из прилегающих протоков, ближе к городу распухла, замутнела и превратилась в огромный вялоползущий чадящий затор.

— Ежи травоядные или плотоядные? — послышалось с заднего сиденья.

Я взглянул в зеркало. Сын отстраненно вжался в угол салона и напряженно смотрел в окно.

— Они всеядные, — ответил я и включил магнитолау.

— А лягушек?.. — едва слышно донеслось из-за сидения.

Играла музыка, я сделал вид, что не расслышал. Он не повторил вопроса, а я крутил тяжелую баранку и грустно думал о том, сколько же всего разного — хорошего и плохого — будет на его жизненном пути. И как бы мне хотелось, чтобы мой сын, став взрослым сильным мужчиной, не утратил среди несправедливостей и жестокости современного мира того хрупкого чувства искреннего сопереживания, к которому он, сам того не желая, неожиданно приобщился в одно из мгновений своего безмятежного детства.

Андрей Ракша

Все куклы мира

Руководители проекта *В. Лошак, С. Кондратов*

Редактор *К. Мкртчян*

Художественный редактор *Е. Поляков*

Корректор *И. Яковенко*

Компьютерная верстка *В. Круглова*

Подписано в печать 27.05.08 г.

Формат 70x108 ¹/₃₂. Бумага газетная.

Гарнитура «Журнальная». Печать офсетная.

Тираж 46 000 экз. Заказ № 0807010.

ТЕРРА—Книжный клуб.

127206, Москва, Чуксин тупик, д. 9.

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного электронного оригинал-макета в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат» 150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

Народная библиотека «Огонька»

С 1 июля в каждом отделении Почты
открыта подписка на следующие издания:

Универсальный словарь: В 4 томах	1390 р.	Кассиль А. Собрание сочинений: В 5 томах	1400 р.
Большая Энциклопедия «Терра»: В 62 томах	74400 р.	Колетт С.-Г. Собрание сочинений: В 7 томах	1274 р.
Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона: В 86 полутомах	68000 р.	Кристи А. Собрание сочинений: В 13 томах	1885 р.
Популярная Энциклопедия: В 20 томах	6200 р.	Манн Т. Собрание сочинений: В 8 томах	2240 р.
Детская Энциклопедия: В 10 томах	4620 р.	Мериме П. Собрание сочинений: В 5 томах	1250 р.
Энциклопедия «Великий час океанов»: В 5 томах	2250 р.	Монтень М. Опыты: В 3 книгах	890 р.
Андерсен Х.-К. Собрание сочинений: В 4 томах	1520 р.	Моруа А. Собрание сочинений: В 10 томах	2580 р.
Библиотека античной литературы: В 10 томах	3200 р.	Песков В. Сочинения: В 9 томах	2520 р.
Блок А. Собрание сочинений: В 6 томах	1280 р.	Похлебкин В. Сочинения: В 6 томах	1450 р.
Бунин И. Собрание сочинений: В 9 томах	1830 р.	Родари Дж. Собрание сочинений: В 4 томах	1220 р.
Буссенар А. Собрание сочинений: В 10 томах	2710 р.	Софья де Сегюр. Собрание сочинений: В 5 томах	1275 р.
Волков А. Собрание сочинений: В 4 томах	860 р.	Соловьев Вс. Собрание сочинений: В 9 томах	2080 р.
Гарт Б. Собрание сочинений: В 6 томах	1560 р.	Тэффи. Собрание сочинений: В 5 томах	905 р.
Герцен А. Избранные произведения: В 5 томах	1255 р.	Уэдсли О. Собрание сочинений: В 6 томах	1308 р.
Гоголь Н. Собрание сочинений: В 7 томах	1610 р.	Флеминг Я. Собрание сочинений: В 7 томах	1540 р.
Гранин Д. Собрание сочинений: В 5 томах	1075 р.	Фолкнер У. Собрание сочинений: В 6 томах	1194 р.
Грин А. Собрание сочинений: В 6 томах	1242 р.	Хаггард Г. Р. Собрание сочинений: В 12 томах	2880 р.
Диккенс Ч. Собрание сочинений: В 20 томах	4200 р.	Чарская Л. Собрание сочинений: В 5 томах	910 р.
Долгополов И. Мастера и шедевры: В 6 томах	1500 р.	Чуковский К. Собрание сочинений: В 5 томах	1025 р.
Ефремов И. Собрание сочинений: В 8 томах	2160 р.	Ян В. Собрание сочинений: В 5 томах	1310 р.